

В. А. Лобастова

БРЕНТАНО И К. ТВАРДОВСКИЙ О СПОСОБАХ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРЕДМЕТА В СОЗНАНИИ

Аннотация: Ф. Brentano исследует сознание с целью открытия естественных законов мышления. На разных уровнях сознания (чувственное созерцание и понятийное мышление) конституируются чувственные и интеллигибельные предметы. К. Tvardovsky анализирует представление и суждение в рамках дескриптивной психологии. Описание представления и суждения выявляет соотношение между актом, содержанием и предметом. Механизм конституирования предмета как целого состоит в выделении материальных и формальных частей.

Ключевые слова: Ф. Brentano, К. Tvardovsky, описательная психология, понятие, сознание, чувственное созерцание, мышление в понятиях, суждение, ощущение.

Abstract: F. Brentano explores consciousness in order to open the natural laws of thinking. At different levels of consciousness (sensory intuition and conceptual thought) are constituted sensual and intellegibel objects. K. Tvardovsky analyses presentation and statement within the framework of descriptive psychology. Description of presentation exposes a betweenness by an act, maintenance and object. Mechanism of constituting of object as unit consists of selection of material and formal parts.

Keywords: F. Brentano, K. Tvardovsky, descriptive psychology, concept, sense, consciousness, sensation, intelligible object, intellectual presentation, statement.

Идея построения универсальной науки требует постоянного поиска ее предельных оснований, которые становятся решающими для понимания сущностной природы истины, относительной или абсолютной. В ранг универсальной науки немецкий философ Франц Brentano (1838–1917) возводит дескриптивную психологию, возникающую в конце XIX в. на волне возрастающего интереса к антропологическим наукам и претендующую на открытие естественных законов мышления при исследовании психических актов сознания.

Для Brentano основным свойством сознания становится интенциональность, которая выявляет и определяет структуру переживаний сознающего субъекта. Интенциональность сознания представляет собой отношение между имманентным предметом, интенционально существующим в сознании, и субъектом, переживающим его различными способами. Интенциональность сознания очерчивает психический опыт, который оказывается совокупностью

© В. А. Лобастова, 2011

переживаний эмпирического субъекта, в поле зрения которого попадают случайные фактические данности.

Любое психическое состояние, будь то простое ощущение или внутреннее восприятие, конституирует имманентный предмет, переживанием которого оно является и благодаря которому возникает в сфере психического опыта сознающего субъекта. Все предметы, переживаемые каким-либо образом в сознании, Брентано делит на чувственные и интеллигибельные. Соответственно своим предметам различаются и психические состояния, а психические состояния, содержащие в себе чувственные предметы, Брентано называет их чувственными созерцаниями, и заключающие в себе интеллигибельные предметы, составляют понятийное мышление.

В сфере чувственных созерцаний могут переживаться как непсихические, т. е. физические, так и психические чувственные предметы. Непсихические чувственные предметы — это объекты внешних чувственных созерцаний, и они могут быть разделены на классы по принципу принадлежности к различным чувствам — предметы зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния. Всякое чувство как таковое характеризуется однородностью, т. е. «предполагает возможность непрерывного перехода, как, например, от тона к тону, но не от тона к цвету»¹. В рамках такой однородности в каждом чувстве можно обнаружить еще и наличие качественной противоположности у непсихических предметов, темное и светлое у цветного, высокий и низкий уровень у звучащего. Наряду с качественными различиями чувственное созерцание обладает еще пространственными и темпоральными различиями. Темпоральные различия чувственных созерцаний проявляются в состояниях покоя или движения чувственных предметов. Наконец, следует заметить, что внешнее чувственное созерцание, как и всякое психическое состояние сознающего субъекта, может быть смутным или отчетливым. «В чувственной сфере многое нуждается в прояснении»².

Внутреннее восприятие чувственных созерцаний Брентано также относит к чувственным созерцаниям, которые, соответственно, можно назвать внутренними чувственными созерцаниями. Тем самым психическое состояние, занимающее место первичного объекта в акте внутреннего восприятия, может быть преобразовано в психический чувственный предмет. К чувственным предметам такого рода Брентано относит предметы, переживаемые в воспоминании, а также предметы, принадлежащие психическому опыту других сознающих субъектов, кроме того, разнообразные отношения, выявленные

¹ Brentano F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Dritter Band. Vom sinnlichen und noetischen Bewusstsein. Leipzig, 1928. S. 63.

² Ibid. S.66.

при переживании сложных психических состояний. Помимо всего прочего, психическими чувственными предметами могут стать и такие психические состояния, которые сами относятся к психическим состояниям, преобразованным в первичный объект. Примером такого отношения может служить воспоминание воспоминания.

Характерные особенности, свойственные психическим чувственным предметам, гораздо более разнообразны, чем особенности, проявляющиеся у физических чувственных предметов, так как к психофизическим отличиям, обнаруженным в сфере внешнего чувственного созерцания³, присоединяются еще и чисто психические отличия, те самые особенности, которые имеются у представления, суждения, эмоций. Здесь в акте внутреннего восприятия чувственное представление может быть только вторично, опосредованно, поскольку относится к психическому состоянию, переживаемому в качестве первичного объекта. В сфере чувственного созерцания представление не ограничивается только темпоральным модусом настоящего, а позволяет различать весь континуум темпоральных модусов. Тем самым представление психического чувственного предмета предстает в виде непрерывного ряда переживаний, хотя относительно порядка психических состояний, переживаемых в воспоминании, могут быть сомнения, какое из них происходило раньше, а какое позднее. В воспоминании более ранние переживания воспроизводятся или репродуцируются в соответствии с теми же самыми темпоральными модусами, которые проявляются при чувственном созерцании непсихических предметов. Осуществление репродукции такого рода Brentano показывает на примере повествования о событиях, пережитых в прошлом: «Мы ассоциируем одно переживание с другим по порядку от более раннего к более позднему. При этом пропускается незначительное, и каждое вновь выступающее, по-видимому, появляется с модусом настоящего, но тогда, вероятно, многообразие временных модусов вводит вновь рассказываемое в непрерывный временной ряд с непосредственно ранее рассказанным»⁴.

Что касается суждения, то при созерцании психических чувственных предметов «полная определенность и точность вовсе недостижимы. Речь идет только о большей или меньшей степени точности, что, по-видимому, несовместимо с очевидностью»⁵, хотя полностью Brentano не отвергает возможность очевидных суждений в сфере внутренних чувственных созерцаний. При прояснении смутных чувственных созерцаний могут быть обнаружены качественные модусы суждений, т. е. утвердительные и отрицательные

³ «...Если цвет есть нечто другое, чем тон, то и видение отличается от слышания». — Ibid. S. 67.

⁴ Ibid. S. 69.

⁵ Ibid. S. 68.

суждения, а именно когда при различии частей «каждая часть познается как нечто другое»⁶.

Относительно чувственных эмоциональных состояний, т. е. всякого рода аффектов, претерпеваемых сознающим субъектом, можно сказать то, что они, так же как, в сущности, и суждения, всегда относятся только к психическому состоянию, представляемому в акте внутреннего восприятия в качестве психического чувственного предмета. Таким образом, при переживании какого-либо аффекта, как пишет Брентано, само психическое состояние, например, ощущение определенных чувственных качеств, относится к самому себе как к объекту.

В интеллигибельной сфере психического опыта сознающего субъекта также могут переживаться как непсихические, так и психические интеллигибельные предметы, но те и другие даны в акте внутреннего восприятия посредством абстрагирования от предметов, представленных в чувственном созерцании, как внешнем, так и внутреннем. По сути дела, все интеллигибельные предметы суть не что иное, как общие понятия или универсалии, которые могут быть интуитивно усмотрены в непосредственном опыте чувственного созерцания. Поэтому Брентано и пишет, что «чувственная и интеллектуальная деятельности кажутся вместе с тем объединенными. Однако ясно именно потому, что такие случаи не относятся к чувственной области как таковой и рассмотренной вообще, так как чувственные деятельности являются условием для интеллектуальных, в то время как последние для первых не требуются»⁷.

Итак, непсихические интеллигибельные предметы даны во внутреннем сознании в тех случаях, когда интеллигибельные чувственные предметы, например белое или красное, абстрагируются сначала от определенной пространственной локализации, а затем и от видовых различий. В результате такой абстракции можно мыслить цветное вообще. Однако абстракцию можно продолжить еще дальше и, абстрагируясь от качества и местоположения в пространстве, получить тем самым понятие вещи вообще. Таким образом, предметы абстракции могут быть то более, то менее общими.

Общие понятия, полученные с помощью абстракции, извлекаются из чувственных созерцаний, в которых они всегда содержатся, а значит, всегда же могут и усматриваться. Однако Брентано полагает, что общее понятие можно мыслить и не имея одновременно единичного представления, данного в чувственном созерцании. Это, по-видимому, происходит тогда, когда психическими интеллигибельными предметами становятся сами интеллектуальные психические состояния сознающего субъекта, только данные в акте внутрен-

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. S. 88.

него восприятия уже в качестве первичных объектов. Тем самым легко можно заметить ту самую независимость, хотя и относительную, которая существует между понятийным мышлением и чувственным созерцанием. «Мышление, которое относится к цветному вообще, есть, конечно, другое мышление, чем то, которое преобразует в предмет определенное цветное, и последнее не содержится в первом в качестве *части*»⁸. Однако более интересным для Brentano оказывается подробное рассмотрение проблемы универсальности всех созерцаний. Тем самым Brentano пытается ответить на вопрос, каким образом общее, которое только и может быть преобразовано в объект мысли или понятие, можно усматривать в единичных вещах. И прежде всего Brentano замечает, что ни одну единичную вещь сознающий субъект не может представить полностью индивидуализированной, а это означает, что все представления сознающего субъекта «обременены некоторой неопределенностью, которая дает им некоторый характер общности»⁹. В чем же проявляется эта неопределенность имманентного предмета, представляемого будь то в акте внешнего или внутреннего восприятия?

В акте внутреннего восприятия, который допускает возможность непосредственного и очевидного познания, сознающий субъект познает себя непосредственно и с очевидностью как единичную вещь на основании идентичности познающего субъекта и познаваемого объекта, ибо сознающий субъект как единичная вещь может быть идентичен только с самим собой. Однако эта идентичность познающего субъекта и познаваемого объекта, схватываемая в акте внутреннего восприятия, никоим образом не индивидуализирует, а скорее видуализирует самопознающий субъект, ибо с такой же неопределенностью и общностью она свойственна любому другому субъекту, который воспринимает себя подобным образом. Более того, в акте внутреннего восприятия не выступает то, что индивидуализирует сознающий субъект, а значит, отличает его от каждого другого сознающего субъекта, поэтому, как пишет Brentano, субъект «познает себя, согласно своей субстанции, только именно как *вещь*»¹⁰. Таким образом, в акте внутреннего восприятия субъект может непосредственно и с очевидностью представлять нечто общее, а именно себя самого. И это общее не получается с помощью абстракции, например, от менее общего. К тому же представление такого общего в акте внутреннего восприятия не сопровождается одновременно соответствующим индивидуальным представлением. Возможность такого представления общего указывает, по мнению Brentano, на характерную особенность, присущую мышлению как таковому, которое по природе своей имеет дело только с общими понятиями: «Наше мышление

⁸ Ibid. S. 112.

⁹ Ibid. S. 92.

¹⁰ Ibid. S. 111.

направлено на общие предметы. Однако направлено оно на общий предмет не потому, что в действительности есть нечто, что лишено индивидуальной определенности, а потому, что индивидуально определенное мы мыслим таким образом неопределенно, что различные индивидуально определенные вещи соразмерно соответствуют или могут соответствовать нашему мышлению. Именно поэтому предмет мышления мы называем общим»¹¹.

К полной индивидуализации представляемого объекта приближено чувственное созерцание, но только лишь приближено, а не является таковым, ибо в акте внешнего восприятия не обнаруживается, как пишет Брентано, «особенность временной определенности» представляемого объекта, наличия которой было бы достаточно для полного индивидуального определения внешних объектов. «Созерцания, как внешние, так и внутренние, постольку имеют некоторую неопределенность и общность, поскольку они свободны от всякой видовой временной определенности»¹².

Имманентное время сознания предстает в виде ряда темпоральных модусов, а именно будущее, настоящее, прошлое, последовательная смена которых создает временной континуум. Поэтому каждый объект, вступающий в этот непрерывный временной поток раньше или позднее, представляется с соответствующим темпоральным модусом. Тогда как имманентное время сознания, когда оно является в модусе настоящего, будь то в акте внешнего или внутреннего восприятия, представляется неизменно равным, не проявляя своих временных различий. Поэтому два объекта, временно удаленные друг от друга, не могут оба быть одновременно во временном потоке внутреннего сознания. Следовательно, только один объект *есть*, соответствуя созерцанию в темпоральном модусе настоящего, а другой объект *был* или *будет*, соответствуя уже другому созерцанию в темпоральном модусе прошлого или будущего.

Среди временных различий Брентано выделяет абсолютные и относительные различия имманентного времени сознания. Так, настоящее выступает в качестве абсолютного времени, а прошлое и будущее составляют относительные временные определения настоящего. Каждое из временных различий занимает в одномерном временном континууме определенную грань или границу, которые не могут быть сведены друг к другу, а как раз, наоборот, всегда удалены друг от друга. Любой объект, на какой бы из граней временного континуума он ни находился, всегда соотносится с настоящим как непрерывно протекающим реальным, и в этом соотношении с настоящим объект может переживаться как объект, представленный позднее или раньше. Это

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 93.

положение Brentano поясняет на следующем примере: «Когда мы говорим, что какое-то событие произошло сто лет назад, то это означает, что мы есть на сто лет позднее, чем это событие»¹³. Такое признание события Brentano называет опосредованным признанием, так как «когда я говорю, что нечто было сто лет назад, то непосредственно признается не эта вещь, а только реальное, как удаленное от этой вещи на сто лет позднее»¹⁴.

Вместе с тем имманентное время, переживаемое в сознании в качестве временного потока, благодаря своей постоянной текучести, есть непрерывное изменение временной определенности объекта, представленного в одном из темпоральных модусов, которое выражается в том, что то, что есть в настоящем, неизбежно станет бывшим и так далее. Более того, такое изменение временной определенности является общим для каждого из объектов, пребывающих во временном потоке, и никоим образом не обосновывает между ними никакого различия, ни видового, ни индивидуального. «Внутреннее восприятие показывает, как мы с нашим Теперь принадлежим временному континууму. Наше бытие даже в случае совершенного покоя есть становление и исчезновение благодаря тому, что исчезающее равномерно возобновляется, несмотря на различие, данное в потоке самого времени. Видовое различие времен, следующих друг за другом, скрыто в общности, в которой мы понимаем нашу субстанцию»¹⁵.

То, что всякое представление сознающего субъекта подвергается временному изменению, позволяет Brentano сопоставить понятие вещи как субстанции, которое содержится во внутренне воспринимаемом объекте, и понятие временного, которое схватывается во внешнем или внутреннем созерцании временного отношения как такового. При таком сопоставлении Brentano обнаруживает идентичность понятия вещи и понятия временного, которая проявляется в том, что всякая вещь «существует как граница одномерного первичного континуума и отстоит от всякой другой из граней континуума как позднее или раньше»¹⁶. Помимо временных различий у вещи как таковой обнаруживается также ряд пространственных различий, который указывает на то, что всякая вещь принадлежит пространственному континууму, протяженному в трех измерениях. Следовательно, вещь конституируется как существующая одновременно в двух континуумах, соотнесенных друг с другом таким образом, что время как первичный континуум находится в основании пространственного континуума, становясь его четвертым измерением.

¹³ Ibid. S. 119.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. S. 108.

¹⁶ Ibid. S. 117.

Польский философ Казимеж Ежи Адольф Твардовский (1866–1938) известен как основатель львовско-варшавской школы логиков и философов, к представителям которой относятся Я. Лукасевич, А. Тарский, С. Лесьневский, Т. Котарбиньский, К. Айдукевич и др. Твардовский был преданным учеником Ф. Brentano и во многом поддерживал и развивал его основные идеи о природе сознательной деятельности. Свой анализ переживания предмета Твардовский проводит преимущественно в духе дескриптивной психологии с эмпирической точки зрения, хотя и вносит множество различий и дополнений в учение Brentano о сознании. В процессе описания способов переживания Твардовский выявляет механизм конституирования предмета в сознании, делая это предельно ясно и логически последовательно.

Интенциональная природа сознания демонстрирует отношение, которое возникает между представлением и представленным. В представлении следует различать акт, понимаемый как сознательное действие, или определенный способ переживания, и представленное в этом акте, или переживаемое в сознании в качестве представленного. В свою очередь, в представленном также важно различать предмет, на который направлен акт представления, и содержание акта представления, посредством которого предмет представлен в сознании. На различении содержания и предмета представления следует остановиться подробнее.

Предмет представления Твардовский понимает как существующий сам по себе, независимо от сознания познающего субъекта. Но, будучи представленным, предмет оказывается в отношении к субъекту, обладающему способностью представлять. Содержание представления непосредственно связано с актом. Акт представления и содержание этого акта составляют имманентный опыт переживающего субъекта, иными словами, образуют одну психическую реальность. Представленный предмет Твардовский называет первичным объектом, а содержание акта представления — вторичным. Вторичный объект по отношению к объекту первичному находится в отношении согласованности, ибо является более или менее приближенным «образом», «знаком» первичного объекта. «Имманентный объект — это объект представления, который принадлежит ему даже тогда, когда вне духа ему ничего не соответствует»¹⁷.

Для Твардовского важно различить статус представленности у содержания и предмета, одновременно сохраняя связь и содержания и предмета с актом представления — как определенным способом переживания сознания, благодаря которому наряду с предметом представленным оказывается и содержание, но только в ином смысле. В качестве иллюстрирующего примера Твардовский проводит аналогию между представлением и названием: «Речь и

¹⁷ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М., 1997. С. 40.

мышление не находятся в отношении полного параллелизма, но между психическими феноменами и означающими их языковыми формами имеется аналогия, которую посредством указания особенностей, присущих явлениям одной области, можно использовать для прояснения свойств, преобладающих в другой области. Название — языковой знак представлений»¹⁸.

Название есть категорематический знак, или средство обозначения, и является выражением представления. Трём элементам представления (акт, содержание и предмет) соответствуют три функции названия, находящиеся между собой в строго определенной последовательности. Прежде всего, название сообщает об акте представления, имеющемся у говорящего, затем название вызывает у собеседника значение названного предмета и, наконец, в силу этого значения название именуется предмет, представленный в представлении.

Для более отчетливого различения значений, вкладываемых в название, Твардовский выделяет атрибутивное и модифицирующее определение. Атрибутивное определение дополняет и расширяет значение выражения, а модифицирующее определение изменяет первоначальное значение выражения. Так, одно и то же слово может быть употреблено как атрибутивное («ложное суждение») и как модифицирующее («ложный друг»).

Для описания определения «представленный» Твардовский сравнивает два выражения: «Художник рисует картину» и «Художник рисует пейзаж». Здесь «нарисованная картина» есть атрибутивное определение, выражающее свойство картины как нарисованной, а «нарисованный пейзаж» есть определение модифицирующее, указывающее на картину, представляющую пейзаж. В примере Твардовского акту представления (рисования) соответствует представленный предмет (пейзаж) и представленное содержание (картина). Картина — нечто не нарисованное, а пейзаж репрезентирован как «тема» картины, его изображающей. Иными словами, картина для художника становится средством представить пейзаж. Создавая картину пейзажа, художник изображает пейзаж. Здесь пейзаж оказывается первичным объектом, а картина, соответственно, будет вторичным объектом. Так осознающий субъект, представляя предмет, одновременно представляет и содержание, отнесенное к этому предмету. Содержание представления может быть только представлено в акте представления, а предмет представляется уже посредством содержания представления.

Особое внимание Твардовский уделяет так называемым «беспредметным» представлениям, обосновывая известную позицию, состоящую в том, что каждому представлению соответствует предмет, существует он или не существует. Рассматривая представления, содержащие отрицание предмета, Твардовский ссылается на схоластов, которые утверждали, что при замене вы-

¹⁸ Там же. С. 45.

ражения «ничто» выражением «не-сущее» происходит дихотомическое разделение представления, поэтому выражение «не-греки» содержит в себе значение при условии, что ему предшествует выражение «греки». Само по себе выражение «ничто» названием не является, ибо синкатегорематично, и представляет собой составную часть отрицательных предложений.

К так называемым «беспредметным» часто относят представления, в содержании которых находятся несовместимые друг с другом признаки. Например, в выражении «круглый квадрат» нечто названо, но хотя и не существует, все же является представленным носителем противоречащих друг другу свойств. Твардовский подчеркивает, что следует различать действительное существование предмета и интенциональное, состоящее в бытии представленным.

В силу необходимой принадлежности предмета к акту представления и к содержанию представления с очевидностью выявляется природа представления, которая состоит в своеобразной отнесенности психического акта к его предмету. Данное своеобразие переживания предмета в сознании способом представления состоит в том, что в представлении предмет является только представленным, несмотря на его существование или несуществование.

Суждение — иной способ интенционального отношения к предмету, чем представление, хотя, как замечает Твардовский, между представлением и суждением нет резких или постепенных переходов. Структура суждения аналогична структуре представления: здесь также отчетливо различимы акт, содержание и предмет. Специфика суждения как определенного способа переживания предмета в сознании состоит в том, что в акте суждения предмет признается, либо отвергается. Причем суждению подвергается предмет, уже представленный в сознании, поэтому акт представления предшествует акту суждения.

В качестве содержания акта суждения выступает существование предмета суждения. Таким образом, в акте утвердительного суждения вместе с признанием предмета признается и его существование, а в акте отрицательного суждения отвергаются как предмет, так и существование предмета. Здесь важно подчеркнуть, что объектом суждения становится сам предмет, а не только его существование. Существование предмета — один из его признаков, поэтому в акте суждения признается или отвергается связь признака «существование» с его предметом.

Твардовский выделяет модусы существования предмета, которые могут быть выявлены различными способами переживания предмета в сознании. Содержание акта признающего суждения указывает на действительное существование предмета, а вот феноменальное или интенциональное существование предмета состоит в бытии представленным. Что же касается акта отвергающего суждения, то его содержание отказывает предмету в действительном суще-

ствовании. Однако мы помним, что построению любого суждения, в том числе и отрицательного, всегда предшествует представление того же самого предмета. Тогда беспредметные представления вообще в сознании невозможны.

Каждый предмет представления может стать предметом суждения, а также предметом эмоционального отношения к нему осознающего субъекта. Следовательно, любой представленный в сознании предмет как единый может быть истинным или ложным как предмет суждения, и каждый предмет представления преломляется в широком спектре эмоциональных оценок как добрый или злой, любимый или нелюбимый, желанный или нежеланный, прекрасный или безобразный и т. д. Вернемся к описанию представления как основополагающего и более простого способа переживания предмета в сознании.

Различие между содержанием и предметом представления может быть продемонстрировано при обращении к взаимозаменяемым представлениям, которые обладают одинаковым объемом, но различным содержанием. Твардовский приводит выражения «город, расположенный на месте римского Ювавум» и «место рождения Моцарта», которые называют один и тот же предмет, по-разному его обозначая. Также различие между содержанием и предметом представления отчетливо проявляется в общих представлениях, под которые подпадает множество предметов, но которые имеют всегда только одно содержание. Различие между содержанием и предметом представления относительно, а не абсолютно, так как содержание представления может быть представлено как предмет другого представления, которое уже будет представлением представления.

Помимо существующих и несуществующих предметов представления Твардовский выделяет предметы реальные и нереальные, возможные и невозможные. Реальными предметами могут быть названы «дерево», «грусть», «резкий звук», а вот «возможность», «отсутствие», «лишенность» следует отнести к нереальным предметам. Твардовский показывает, что реальность предмета не тождественна его существованию. Так, в одном случае реальный предмет существует, а в другом — не существует, так же и нереальный предмет: может существовать и не существовать. А вот содержание представления, которое тесно связано с актом представления, существует независимо от того, представлен ли предмет как существующий, или как несуществующий.

Результатом осуществления предмета в сознании становится конституирование предмета как единого целого. Твардовский называет предмет единым вследствие его способности быть предметом представления. Целостность предмета переживается в сознании как составленность из частей. В целое предмета, помимо его частей, входят и отношения, в которых эти части состоят и которые Твардовский называет составными частями сложного целого. Совокупность частей создает материю целого, а совокупность составных ча-

стей или отношений между частями определяет форму целостности: «Теория отношений описывает и классифицирует способы, при помощи которых нечто является частью целого и благодаря которым целое состоит из частей. Интересно определить общее у всех видов частей и всех форм составленности из частей, т. е. тип, которому следует каждый синтез, который лежит в основании различных способов, благодаря которым и может быть составлено целое. Часть можно различить в предмете представления, учитывая как действительное, так и мысленное разложение на нечто, поддающееся различению»¹⁹.

В предмете представления часть выделяется как нечто, поддающееся различению. Сначала следует различать простые материальные части целого и составные, которые тоже можно разложить на части. Далее в составных частях важно выделить части ближайшие и отдаленные. Итак, материальные части первого порядка — это части, на которые предмет делится как целое. А материальные части второго порядка — это части частей первого порядка. При этом отличие между порядками материальных частей предмета весьма относительно. Так, например, при разложении часа на минуты, а минут на секунды по отношению к часу секунды становятся частями второго порядка, однако при разложении часа на секунды, минуя минуты, секунды окажутся частями первого порядка.

Одни части входят в целое всегда одним и тем же способом, а другие функционируют в предмете по-разному. Так, например, красный цвет одним способом является частью красного шара и другим — частью цветового спектра. А вот протяженность — часть протяженного предмета одним и тем же образом, то же можно сказать о времени как длительности: оно одинаково проявляется в качестве части предметов.

Еще одну особенность выделяет Твардовский у материальных частей предмета. Некоторые материальные части могут существовать отдельно от целого, а у некоторых материальных частей существование представляется связанным с другими частями, существующими обособленно. И имеются материальные части, которые проявляют взаимозависимость в своем представимом существовании. Среди формальных частей, придающих форму материальным частям предмета, следует различать первичные формальные части, составляющие отношения между частями и целым предмета, а также вторичные формальные части, выступающие в качестве отношений только между отдельными частями предмета как целого. Твардовский выделяет два вида отношений между целым и его частями. Это прежде всего отношения, в силу которых части являются частями этого целого. В каузальном отношении целое удерживает части, связывая их воедино, а части образуют целое. Такие отношения,

¹⁹ Там же. С. 87.

обозначаемые с точки зрения целого как обладание частями, а с точки зрения частей — как создание целого, Твардовский называет первичными формальными частями в собственном смысле. Кроме того, между целым предметом и его частями может быть отношение сосуществования, когда предмет является вещью, или отношение последовательности, когда предметом является движение или изменение. Отношения такого вида Твардовский называет первичными формальными частями в несобственном смысле. В отношениях такого вида целый предмет больше каждой из его частей, также предмет в некоторых аспектах похож на свои части, а в некоторых аспектах отличается от них.

Твардовский замечает, что первичные формальные части в несобственном смысле находятся в отношении к формальным частям в собственном смысле. Так образуются отношения второго порядка, членами которых тоже оказываются отношения. Отношения различных уровней и порядков образуют между собой новые отношения, поэтому анализ предмета, конституируемого в представлении, никогда не будет полностью завершённым.

Части «образуют» целое, и целое «обладает» частями разными способами в зависимости от свойств материальных частей. Твардовский подчеркивает, что первичные формальные части одного рода могут различаться по своему виду. Так, одинаковый по роду синтез частей в целое может приобретать различные формы, поэтому каждый сложный предмет может пониматься как функция его частей.

Отношение между частью и целым Твардовский называет свойством. Выражение «свойство» может употребляться для обозначения метафизических частей предмета, различимых в целом благодаря способности абстрагирования, но неотделяемых от этого целого. Так, протяженность, величина, цвет, вес являются метафизическими частями предмета. Первичные формальные части Твардовский определяет как свойства предметов, или отношения свойства. Для Твардовского сущность предмета предстает как совокупность отношений свойства. Разнообразные отношения свойства, выявляемые в предмете представления, всегда демонстрируют общность одного и того же предмета. «В каждом предмете должны быть определенные составные части, которые всегда и одинаково с необходимостью представлены, так что без них представление вообще не является возможным»²⁰.

Отношения между первичными формальными частями предмета могут составлять сравнительные отношения, ибо предмет может обладать своими материальными частями одинаковым способом или по-разному. В зависимости от особенностей самих материальных частей, а также обусловленного ими вида составленности в целостный предмет образуются различные вторичные

²⁰ Там же. С. 129.

формальные части. Не только между первичными и вторичными формальными частями предмета, но и между вторичными частями могут складываться отношения. Материальные части второго порядка предмета находятся в отношениях к материальным частям первого порядка, ибо отдаленные части предмета опосредованно принадлежат целому. Количество формальных частей предмета Твардовский определяет количеством его материальных частей.

Между предметом и содержанием складывается отношение взаимосоответствия, согласно которому данный предмет соответствует определенному содержанию, которое, в свою очередь, соответствует именно этому предмету. Отношение между представлением и его предметом Твардовский называет первичным или далее несводимым, а отношение между содержанием и предметом осуществляется в силу принадлежности и предмета и содержания к одному и тому же психическому акту.

Части предмета представлены посредством частей содержания представления, причем части содержания представления отделены так, что части предмета соединяются в целостный предмет. Поэтому материальные и формальные части предмета представления находят свой коррелят в материальных частях соответствующего содержания представления. В содержании представления Твардовский выделяет три группы материальных частей первого порядка. Это представления материальных частей предмета первого порядка, затем представления отношений свойства, складывающихся между предметом как целым и его материальными частями первого порядка, и, наконец, представления формальных частей второго порядка.

Отдаленные части предмета, т. е. части не первого порядка, могут быть представлены в содержании акта только имплицитно. Твардовский замечает, что в отличие от ближайших частей отдаленные части находятся в отношениях свойства к предмету как целому и к ближайшим частям этого предмета. Кроме того, ближайшие части не могут служить для различения разных предметов и для сравнения одинаковых предметов: «Предмет обладает составными частями, ближайшими и отдаленными. Отдаленные, в отличие от ближайших, находятся в отношениях свойства к совокупному предмету и к ближайшим составным частям этого предмета». «Важны составные части, служащие для различения между собой различных предметов, или в качестве одинаковых — для сравнения их между собой. Ближайшие составные части не годятся для этой цели»²¹. При различении нескольких порядков материальных и формальных частей важно скоординировать части одного порядка. Такая координация частей осуществляется либо через одно общее целое, либо через один способ принадлежности частей целому. Части предмета и части относящегося к нему содержания представления скоординированы благодаря наличию одинаковых

²¹ Там же. С. 118.

особенностей у всех материальных частей одного порядка и их отношений.

Не все части предмета могут быть представлены в содержании акта, поэтому нет ни одного адекватного представления предмета. Части предмета могут быть представлены непосредственно или опосредованно. Формальные части предмета представляются после представления материальных частей. Каждый предмет представлен как однородное целое, части которого объединены посредством отношений свойства. Однородность предмета представления есть основание для тождественности предмета с самим собой и нетождественности с другими предметами. «Все представленное как предмет представлено как однородное целое. Его части объединены в однородное целое посредством отношений свойства, в которых на одной из сторон находится общий член»²². «Поскольку каждый предмет является одним, т. е. однородным целым, то он противопоставляется всем иным как отличный от них, а в результате как тот, которым он является, как тождественный с самим собой»²³.

К не представляемым частям принадлежат отношения предмета к другим предметам, которые могут быть выявлены в непрямых представлениях. «Можно представлять предмет именно при помощи отношений, в которых он состоит с другими предметами, то есть опосредованно»²⁴. Твардовский выделяет определенные не прямые представления и неопределенные, в которых предмет определен не индивидуально, а только относительно своего вида. Опосредованно представленное содержание не прямых представлений осуществляется благодаря вспомогательным представлениям.

Твардовский различает представления общие и единичные. Общее представление (понятие) одновременно презентует множество предметов. Посредством общего представления выявляется группа частей, общих предметам единичных представлений. Поэтому предмет общего представления оказывается частью предмета подчиненных ему представлений, он опосредованно представлен, но не существует. Так между единичными и общими предметами обнаруживается отношение подчиненности, в котором единичные предметы подчинены общему предмету: «Предмет общего представления есть часть предмета подчиненного ему представления, которая находится к определенным частям предмета других единичных представлений в отношении тождества»²⁵.

Рассмотренные в общих чертах способы конституирования предмета в представлении и суждении позволяют охарактеризовать психологическое исследование Твардовского как конститутивную феноменологию естественной установки сознания.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же. С. 130.

²⁵ Там же. С. 149.